

Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина, в пустынях Сибири

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ж71

Ж71 Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина, в пустынях Сибири / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 77 с.

ISBN 978-5-458-06402-6

ISBN 978-5-458-06402-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Покорность и послушаніе его нельзя изъяснить и восхвалить достойно: оно всегда въ немъ было доброхотное, не сомнящееся, усердное, безъ отговорокъ, со всякимъ тщаніемъ и благословеніемъ, по первому слову совершаемое. На все съ любовію готовъ онъ былъ отдать себя съ радостнымъ взоромъ: совершенно возненавидѣлъ своеуміе, самоуслажденіе и самоволіе: и свою волю и хотѣніе умертвилъ и отвергъ отъ себя; ни о чемъ ни когда смущеніемъ не поропталъ, но и за малое оказанное ему, не только сердечно благодаренъ и доволенъ бывалъ, но еще и мааго считалъ себя не достойнымъ; алкалъ всегда худшаго и противнаго себѣ; во всѣхъ дѣлахъ старался самъ успѣвать, только бы не трудился Старецъ. Онъ съ такимъ гореніемъ духа прилѣпился къ Старцу и такую имѣлъ къ нему вѣру и любовь чистосердечную, какія въ нынѣшнее время едва ли слышалъ кто. Много было великихъ послушниковъ; и въ книгѣ св. Іоанна Дѣствичника много написано о послушникахъ преуспѣвшихъ; но они руководимы были великими Отцами; сей же братъ Петръ и не видалъ никогда святаго монастыря, ниже слышалъ отъ премудрыхъ великихъ Отцовъ наставленія; но только прилѣпился къ Старцу простаго рода, которой за простоту свою рѣшительно отказался быть точнымъ для него отцемъ духовнымъ, и ни какъ не склонялся на умышленыя его просьбы, — принять его въ такое повиновеніе, какое требуется отъ совершеннаго послушника; а такъ жилъ съ нимъ, просто, имѣя его какъ брата духовнаго; однако совершенно покорился Старцу: во всемъ поступая по словамъ его; и говорилъ ему: «хотя ты и отказываешься, а я все-таки предалъ себя на всю мою жизнь во власть твою, и воли моей надъ собой не имѣю. Прости, отче, я такъ вѣрую и люблю тебя, что для моего спасенія довольно — только жить съ тобою; и хотя бы иидѣ былъ и чудотворецъ, я не промѣнялъ бы тебя на него; съ самаго начала я получилъ чрезъ тебя пользу — и съ того времени душа моя уязвилась къ тебѣ любовію; потому, прости отче, не могу удержаться и не цѣловать твои ноги и руки; также и братіямъ съ нами живущимъ не могу не кланяться до земли, ибо отъ всея души моея горю къ нимъ

истинною, о Христе, любовью; да и какое воздамъ Богу благодареніе за то, что Господь удостоилъ меня въ служеніи Ему съ вами пожить, и васъ цѣловать, пустынныхъ жителей!»

Много разъ Старецъ возбранялъ ему чрезмѣрное начинаніе, и зная свое несвѣденіе, судилъ себя недостойнымъ принимать такую отъ него честь и уваженіе; а Петръ отвѣчалъ на это Старцу: «Прости мя, отче! не могу изъяснить тебѣ, сколько люблю тебя; ей, всего бы тебя вселилъ внутрь себя, если бы возможно было; и охотно желаю умереть за тебя!»—Такъ-то сильна была его любовь и привязанность къ Старцу.

Да и ко всемъ пламенѣлъ онъ усердіемъ и истинною любовью, былъ дружелюбецъ, благоговѣенъ, всегда осуждалъ и уничижалъ себя самого, во всемъ предъизбиралъ себѣ худшее и труднѣйшее, каждому во всемъ услужить старался, и со всеми жилъ всегда единомудушно; однако мысленно располагалъ, по кончинѣ Старца непременно пойти въ глубину пустыни; ибо неустойимо чувствовалъ себя распалема желаніемъ подражать великимъ отцамъ Онуфрию и Маркѣ Франческому и прочимъ въ безмолвіи и уединеніи пожившимъ.

Когда онъ одинъ безмолствуя занимался какимъ либо дѣломъ, особливо, когда уединенно сидя внималъ внутреннему молитвенному дѣйствию, тогда ощущалъ въ себѣ какъ бы напечатѣнными Христовы слова: «*Марія благую часть избра, яже не отыметя отъ нея.*» И отъ сего ощущенія еще больше возгарался желаніемъ на внутреннее пустынное житіе, чтобы, подобно Маріи, единому присѣдѣть Богу. Но кто не удивится его подвижническому житію, великому терпѣнію и происходившимъ въ сердцѣ его настроеніямъ отъ Божіей благодати. До такой иногда степени обдержался онъ въ Божіей любви, что даже и того послушанія, какое было назначено ему, къ которому и самъ прилежалъ болѣе всего духомъ своимъ,—иногда и такого послушанія не въ силахъ былъ исполнять, ни уединенно, ни вмѣстѣ съ братією; ибо непрестанно возгаравшаяся въ немъ любовь ко Христу Господу, живо напечатѣвала въ немъ, не воображеніемъ или призракомъ образовъ, не мыслию или мнѣніемъ, но живымъ напечатленіемъ

и ощущеніемъ въ сердцѣ, или лучше, во всемъ существѣ его, Божіей благодати, милосердія и челоуѣколюбія; и симъ впечатлѣніемъ или вкушеніемъ бывалъ онъ такъ восхищенъ и плѣненъ радостно, иногда умиленно, что вовсе забывалъ о повелѣнномъ ему дѣлѣ; ибо весь измѣнялся невольно и погружался во внутреннее вниманіе молитвеннаго дѣйствія, неизреченно усаждающаго и утѣшающаго, чувствуя въ сердцѣ своемъ чудно вземлема всего себя къ Богу; и въ такомъ настроеніи, онъ уже не въ силахъ удерживать себя, плачетъ при всѣхъ открыто: слезы льются неукротимо, и онъ ни какъ не можетъ повелѣннаго дѣла исполнить. По этому Старецъ совѣтовалъ ему не ходить на общія занятія, а келейно дѣлать, сколько можетъ, повелѣнное ему. Въ дѣлахъ же ему порученныхъ, самыя трудныя, всегда исполнялъ добродушно и усердно, съ великимъ понужденіемъ и съ насиліемъ надъ самимъ собой; и хотя бы оно довело его до крайняго изнеможенія, онъ все-таки не щадилъ себя, и не внимая своему изнеможенію, оканчивалъ свое дѣло.

Отъ великаго пощенія и всегдашняго воздержанія, отъ многого терпѣнія жажды, отъ малаго сна и отъ всеночныхъ бдѣній, все тѣло въ немъ увяло и высохло до того, что все кости его были покрыты одною кожей, — словно живой мертвецъ: весь изсохшій и блѣдный, уста отъ жажды запекшіяся, глаза впалые, лице и все тѣло небрегомое и неомовенное, ноги отъ стояній и продолжительнаго бдѣнія на молитвѣ, опухлыя, животъ истощенный и умаленный, какъ бы пустой и поджатый, только одни ребры видны были. На рукахъ и колѣнахъ и на челѣ, отъ правила земныхъ поклоновъ, кожа ожестѣла; весь былъ слабъ и малосиленъ, сколько отъ вѣшняго пощенія, а болѣе того, отъ непрестаннаго, внутренняго старанія любовію безмѣрною къ Богу, къ Старцу и къ братіи.

Имѣлъ онъ дарованіе благоразумныхъ совѣтовъ; еще находившись въ мірѣ, былъ учителемъ: многихъ увѣщавалъ, даже дѣвицъ и вдовъ, къ цѣломудренному житію и отверженію міра. Когда же поселился въ пустынномъ братствѣ, то не столько дружескими своими бесѣдами, сколько образомъ житія своего, всѣхъ убѣждалъ къ пост-

ническимъ и молитвеннымъ внутреннимъ подвигамъ: послушанію, терпѣнію, трезверію, смиренію, простосердечному обращенію, истинной любви и безмолвному житію; ибо самаго его точно знали подвизающимся выше естественныхъ силъ своихъ. Часто вышедши изъ келіи, цѣлыя ночи простаивалъ онъ подъ открытымъ небомъ. Однажды положилъ себѣ обѣтъ испытать: простоятъ ли мужественно, неподвижно, имѣя руки поднятыя къ небу, по подобію юной дѣвицы Евпраксіи и прочихъ, такъ неуклонно стоявшихъ. И въ одну ночь, по обѣту своему, вышелъ изъ келіи на испытаніе себя; сталъ на открытомъ мѣстѣ, руки поднялъ къ небу, и желалъ такъ неподвижно пробыть въ молитвѣ отъ вечера до утра. И конечно по Божіему строенію, въ ту ночь случился сильный морозъ; руки его, поднятыя въ верхъ, обнажились, застыли отъ великаго холода, и сильно разболѣлись; но жалѣя оставить самодѣйствующую въ сердцѣ его молитву, началъ такъ размышлять: «если я при первомъ испытаніи буду нетерпѣливъ предъ Богомъ, то какъ сподоблюся любви и милости Его?»—и со слезами сталъ взывать къ Господу. Вскорѣ мало по малу началъ онъ сильнѣе ощущать въ сердцѣ своемъ молитву, усладительно движущуюся. И вдругъ пришло великое дѣйствіе молитвы и воспіяло сердце его внутрь, какъ вода отъ огня; въ ту же минуту, словно потоки теплыя потекли во всѣ составы и члены тѣла его, въ руки и въ ноги, въ лице и во всѣ части; и отъ сего дѣйствія, весь онъ согрѣлся и болѣзнь ознобная прошла, ни мало не повредя рукъ его. Тогда вспомнилъ онъ пророческое слово: *«Согрѣяся сердце во мнѣ, и въ поученіи моемъ о Богѣ возгорѣся огонь.»* Всѣ же бывающее съ нимъ сказывалъ Старцу. И такъ при особенной помощи Божіей, — простоялъ до утра безъ утомленія. И много разъ откровенно говорилъ, что не только не продолжительно показывается ему такое всеобщее стояніе, но еще какъ бы неудовольствованный, не охотно, по причинѣ наступленія утра, оставлялъ свое стояніе.

Молитва до того ему усвоилась, и словно вкоренена была въ его сердцѣ, разливая дѣйствія свои въ немъ, что самъ онъ сказывалъ: — «никогда я не перестаю молиться, и

не бываю безъ молитвы, даже и тогда, когда память забудеть, когда дремлю или сплю: и тогда молитва сама собою творится; и пробудая то же чувствую её творящуюся въ сердцѣ моемъ; и никогда она свое дѣйствіе не оставляетъ. — Подобно какъ бы кто любимаго друга встрѣчаетъ и провожаетъ, - говорилъ онъ, - такъ и она во дни и въ ночи утѣшительно всего меня въ себѣ объемлетъ; и дѣлаю ли что, или ѣмъ и пью, или съ кѣмъ разговариваю, или чему прележно внимаю — всё она со мною, и слышу глубоко въ сердцѣ моемъ живо впечатлѣнный глаголъ ея: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.» — Даже когда слушаю чтеніе псалмовъ и поучительныхъ словъ, и тогда не оставляетъ она своего дѣйствія; а часто не попускаетъ внимательно слушать чтеніе и пѣніе; но непреодолимо влечетъ на внутреннее глубокое молитвенное дѣйствіе.

Много чудился Старецъ благодати, данной Петру отъ Бога, и радовался духомъ Богоугоднымъ подвигамъ, которыя онъ Христа ради усердно проходилъ и претерпѣвалъ. Вместе съ молитвою имѣлъ онъ и даръ слезный. Умилительныя слезы, иногда тихо струились, иногда малыми каплями, иногда лились потокомъ, а иногда какъ градъ, съ пронзительнымъ чувствомъ неудержимо проливались.

Подобно сему, и молитва не всегда равно дѣйствовала въ немъ: иногда малая или умѣренная или сильная; но и самая малая съ чувствомъ вѣкимъ улаждающимъ бывала; онъ всегда имѣлъ движеніе и колебаніе головы своей отъ молитвеннаго дѣйствія, и поэтому узнавали, какъ сильно и непрестанно въ немъ дѣйствовала молитва.

Когда молитвенный духъ приходилъ въ высшую степень, тогда онъ, какъ сосудъ съ водой отъ земнаго огня волнуется и кипитъ, такъ сердце въ немъ мятется во все стороны, и словно страдая терзается само собою, безъ всякаго понужденія съ его стороны. Подобно какъ бы кто сидя только смотреть, какъ его везутъ, такъ бываетъ и съ нимъ при великомъ дѣйствіи молитвенномъ. Тогда только духомъ зреть на не постижимое и неизреченное зрѣлище, которое само собою происходитъ отъ молитвеннаго дѣйствія

въ сердцѣ, съ недовѣдомою сладостію, всего пльняя въ любовь къ Богу; и пребываетъ распаленъ до того, что тогда ничего не можетъ: ни шнїемъ молиться, ни поклонное правило совершать, ни читать священныя книги, ни же идти куда, ни же помышлять что; — всѣмъ духомъ углубленъ въ Бога, и весь объемлетъ отъ такого дѣйствїя; кипить сердце въ немъ сладостно, какъ отъ огня, и все тѣло отъ невыносимаго движенїя колеблется какъ деревцо, а иногда трепещетъ какъ листъ отъ вѣтра. Всего происходящаго съ нимъ отъ Божїей благодати изъяснить не возможно. Когда духъ его приходитъ въ восторгъ, тогда не въ силахъ будучи терпѣть сладчайшаго духовнаго радованїя, начинаетъ вопить и кричать трогательнымъ голосомъ, и плачетъ неутѣшно, словно по мертвецъ любимомъ; и только взываетъ: «Господи! что Ти воздамъ о всѣхъ благихъ, яже мнѣ сотворилъ еси, и нынѣ въ сердцѣ моемъ являешь мнѣ?» Этому Старецъ, глядя на него, много чудился всегда.

Спрашивалъ онъ, Богомъ возлюбленный Петръ, у Старца: откуда приходитъ ему такое сладостное ощущенїе и благоуханїе? и Старецъ отвѣчалъ ему: «Объ этомъ не нужно намъ вѣдать и домогаться узнавать Божїе строенїе; нуще всего бойся обмана, чтобы не впасть въ гордость и во мнѣнїе святости, и чрезъ то не лишиться вспомошествованїя Божїя.»—И опять говорилъ ему Старецъ: *не прїемли, ни же отлтай*; — то есть, когда ты истинно помышляешь с бы недостойнымъ, и вѣруешь, что только по милости Божїей такїя сладости и благовоенїя ощущаешь, и послѣ всего этого болѣе и болѣе возрастаетъ въ тебѣ смиренїе и терпѣнїе, и ко всему непристрастїе; и въ любовь къ Богу и ко всѣмъ больше вземлешься, — то праведно мнѣнїе, что этого Божїимъ смотрѣнїемъ ты сподобился, да на большее благодаренїе и Богоугожденїе подвизаютъ тебя. Если же отъ сего благовоенїя и сладостей, такого спасительнаго плода не ощущаешь, но еще услаждаешься ими о себѣ, тогда прилично вѣдать, что это отъ сопротивнаго привносится.

Однажды нужно было Старцу его пойти на посѣщенїе инаго старца, и оставить Петра одного на нѣскольکو дней; тогда по истинѣ дивное зрѣлище мы видѣли;

ибо до того томилось и смущалось сердце его, что онъ не зналъ какъ и помочь себѣ; хотя и Старецъ и прочіе увѣщевали его, но не было возможности унять горькія слезы, съ которыми вырывались у него чувствованія любви къ Старцу: онъ усерднѣйше кланялся ему, припадалъ до земли, руки и ноги старцевы многократно лобызалъ насильно, и такъ провожалъ его на большое разстояніе, рыдая. — Но когда уже Старецъ далъ ему послѣднее благословеніе съ цѣлованіемъ, повелѣвая ему возвратиться, тогда по истинѣ, всякой нечувствительный поразился бы жалостію, смотря на него, словно смертною бѣдою обдержимаго: такъ онъ едва-едва отсталъ, и рыдая долго стоялъ и просилъ молитвъ и благословеній; вопіялъ, звалъ въ слѣдъ его, и наконецъ-то пошелъ обратно тихими шагами, и безпрестанно озираясь на Старца, творилъ ему земные поклоны, хотя Старецъ и не обращался къ нему; и такъ, едва-едва тотъ изъ глазъ его удалился; тогда уже Петръ пошелъ къ себѣ и все время разлуки горестно проводилъ, словно чувствовала его душа скорое его въ семь свѣтъ разлученіе съ Старцемъ.

Когда обветшалый образъ Знаменія Божіей Матери, данный ему отъ родителя—обновивши, мы принесли къ нему: тогда, о, какой онъ радости исполнился и утѣшился! по истинѣ сказать не мѣла: весь въ лицѣ измѣнился, принялъ съ радостными слезами къ св. образу, поклонялся и лобызалъ его; и принесшаго старца многими радостными словами благодарилъ, кланяясь ему до земли; изъ этого ясно видна была намъ великая его любовь и вѣра къ Божіей Матери.

Спустя нѣкоторое время, открылъ онъ Старцу желаніе свое, Бога ради претерпѣть безъ пищи 40 дней, въ благодарность, что сподобилъ его Господь такой пустынной жизни. Но Старецъ на сіе не соглашаясь такъ сказалъ ему: «Братъ возлюбленный, не знаю, отъ Бога ли это желаніе; но уничтожить и похулить не смѣю, видя тебя такою къ Богу любовію наливама; пятнадцатое неядѣніе много разъ ты безъ ропота выносишь: но на 40 дней, безъ откровенія Божія дать тебѣ благословеніе не смѣю: да и просить о семъ извѣщенія отъ Бога, за недостойнство мое страшуся, и за не нужное признаю; да и самъ ты не

получилъ отъ Бога откровенія, а только изъ одной любви и благодарности къ Богу, столь усердно на такое пощеніе влечешься. Но ты испытай себя, и узнаешь, отъ Бога ли это? Вотъ, въ сей наступающій постъ проговѣй 10 дней безъ пищи: и ежели этому благоволятъ Богъ, то и поможетъ тебѣ; тогда въ другой постъ можно будетъ и на 20 дней рѣшиться; а потомъ уже, по желанію твоему, и на 40 дней.»

Когда пришло время поста, Старецъ благословилъ его на десятидневное пощеніе, и отлучился самъ отъ него для нужныхъ дѣлъ къ другому старцу. Братъ же Петръ оставшись одинъ, началъ поститься съ дозволенія Старца, и по двухъ дняхъ помыслилъ въ себѣ: «пока еще я въ силѣ и не изнемогъ, пойду, нарублю дровъ.» — Когда же сталъ рубить, промахнулся въ свою ногу, и нанесъ себѣ вслякую рану: множество крови потекло; и онъ едва могъ до келліи дойти. Старецъ же возвратясь, видя его въ такой бѣдѣ, и кровію истекшаго, и къ тому еще и не ядущаго, весьма сожалѣлъ объ немъ. Но онъ и въ такомъ изнеможеніи и болѣзни находясь, не отложилъ своего желанія; но провелъ въ постъ 10 дней невѣщи. Когда 10 дней его пощенія прошли, онъ сказалъ Старцу: «О какъ благодарствуетъ мнѣ Христосъ! и что я воздамъ Ему?» — и говоритъ Старцу: «благослови, оче, въ благодарность Господу, всю эту ночь на молитвѣ простоять предъ Нимъ.» — Старецъ отвѣчалъ ему: «если можешь, сотвори, Богъ тебѣ да поможетъ, только береги свою ногу.» — Онъ же наче восхотѣлъ послѣдовать словамъ Христовымъ: «аще кто любитъ самаго себя наче Христа, нѣсть Его достоинъ» — и небрегъ о своей ногѣ, но простоялъ всю ночь на ней какъ и на другой, пока Старецъ не позвалъ его на утреннее дѣніе. По отпѣвнн же утрени, еще пошелъ въ огородъ трудиться, и не далъ себѣ отрады ни малой до того, что уже началъ стонать. Потомъ уже онъ не могъ и изъ келліи выходить.

За день до кончины его, вдругъ отступила болѣзнь, — и въ ту ночь онъ спалъ покойно. Поутру возставши отъ сна, сверхъ чаяніа, сталъ твѣрдо па обѣ ноги, и умиленно съ любовію поглядѣлъ на Старца. Старецъ же говоритъ ему: «возлюбленне, береги ногу твою.» — Онъ же тихо улыб-

нувшись сказалъ: «стою вѣрно на обѣихъ ногахъ,»—и началъ здраво по келліи ходить, и не много побесѣдовавъ, сказалъ: «испилъ бы чего вибудь»—Старець отвѣчалъ ему: «можно; только потерпи, ждемъ Священника, причастить тебя.»—Старець види такое нечаянное измѣненіе его болѣзни, дивился, славя Бога и благодаря возстабляющаго мертвыя. Послѣ сего Петръ въ лицѣ измѣнился, и обратясь прямо на востокъ, на правую сторону посмотрѣлъ пріятно, а потомъ на лѣвую поглядѣлъ со гнѣвомъ.

Старець смотря на него удивлялся такому его взору; Петръ же опять быстро воззрѣвъ на небеса, сталъ на колѣна и преклонилъ голову къ столу, словно задремалъ. Видя это, Старець подумалъ, что онъ уснулъ. Спустя малое время началъ его будить: но онъ уснулъ уже вѣчнымъ сномъ отъ болѣзней вѣка сего, на безконечный покой, славить и превозносить со всѣмъ Святыми, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго въ Троицѣ покланяемаго надъ всѣми Бога, Ему же буди и отъ насъ грѣшныхъ, честь, хвала и благодареніе и поклоненіе всегда, нынѣ и присно, и въ безконечныя вѣки. Аминь.

Старець свидѣтельствуетъ такъ о немъ: «Много нашего странствія съ духовнымъ братомъ моимъ сотворили мы, а не нашли нигдѣ подобнаго раба Божія, такого жестоко — подвижнаго, смиренномудраго, каковъ былъ сей юноша Петръ!»

Онъ скончался въ Сибири прежде своего Старца Василиска за нѣсколько лѣтъ; а Старець умеръ 1824 года тоже въ Сибири. — Списатель же сего житія, монахъ Зосима, ученикъ Василиска, скончался 1855 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ — въ старости маститой, бывъ свидѣлемъ самъ подвиговъ Петра.

ЖИТІЕ

МОНАХА И ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ ВАСИЛІСКА.

(Писанное ученикомъ его Зосимою Верхневскимъ).

Господь Богъ съ высоты величества престола Своего призираи на смиренныя, призрѣлъ и на смиреннаго раба своего старца Василіска, и соизволилъ, отъ юности и чрезъ все его житіе до старости, пребыть ему во смиреніи, и особеннымъ Промысломъ своимъ устроилъ, что онъ еще въ дѣтствѣ, отъ невольной нищеты, сдѣлался кроткимъ и смиреннымъ отрокомъ, такъ что потомъ уже сердце его, наполненное богатствомъ благодати, не совращалось ни на десныя ни на лѣвыя распутія погибели, а неуклонно стремилось по пути освященія. Во всю жизнь свою Инокъ Василіскъ (въ мірѣ Василій) страшился, убѣгалъ и охранялъ себя отъ всехъ случаевъ и вещей возносящихъ, и до такой степени смиреніе вкоренилось въ его сердцѣ, что всякое возношеніе было ему вовсе чуждо и не свойственно; одно только было глубоко напечатлѣнно въ немъ: это—сознаніе, что собственными силами не возможно устоять во всегдашнемъ смиреніи и не впадать въ возношеніе; потому всегда молилъ Господа Бога, да самъ Онъ его соблюдетъ отъ дѣвольскаго дѣйствія.

Родомъ Василій Тверской Губерніи, Кашинской округи Колязинскаго уѣзда деревни Иванишъ. Родитель его былъ экономическій крестьянинъ Гавріилъ, великъ ростомъ, силенъ тѣломъ и добронравенъ душою; подобна